

Небо разверзлось ливнем, и холодные струи яростно хлестали Тань Нина. Промокший до нитки, юноша казался хрупкой фарфоровой статуэткой — тонкая ткань облепила изящное тело, а с кончиков волос и одежды стекали прозрачные бусины. Бледное лицо, искаженное страхом, светилось почти неестественной белизной в сумраке ночи.

Не смея оглянуться, он отчаянно бежал вперед, к кладбищу на склоне горы. Внезапная вспышка молнии на мгновение выхватила из тьмы ряды белесых надгробий, а в колышущихся ветвях деревьев, казалось, мелькали призрачные тени, играющие в жуткие прятки.

Зловещая аура горы сгустилась, пронизывая всё вокруг могильным холодом. Необъяснимая тревога заполнила сердце беглеца. Сквозь шум дождя он различил едва уловимые шаги — словно кто-то крался по устилавшим землю палым листьям. Объятый ужасом, юноша прижался к стволу дерева, зажимая рот рукой, чтобы не выдать себя ни звуком.

Ветви над головой зашелестели, и похожий звук донесся отовсюду, будто бесчисленные ноги со всех сторон приближались к нему. Тань Нин оказался в эпицентре жуткой охоты.

Кто это? Кто идёт?

Мо Юньчу? Лу Инсин? Или смотритель кладбища?

Проливной дождь, раскаты грома, притаившиеся в темноте люди или призраки — всё это терзало измученные нервы юноши. Он уже не понимал, дрожит от страха или от холода. Вероятно, и от того, и от другого.

Шух-шух. Шух-шух-шух.

Тяжелые шаги неумолимо приближались. Порыв промозглого ветра, пропитанного дождевой влагой, обжег лицо. Тань Нин отчаянно молился, чтобы его не обнаружили. Казалось, молитвы были услышаны — шаги затихли.

Он затаил дыхание, хотя шум ливня всё равно заглушил бы его еле слышное дыхание.

Дождь усилился.

Внезапно порывы ветра принесли что-то странное. Непонятные предметы, шурша, летели отовсюду, заполняя воздух вокруг. Тань Нин в замешательстве вглядывался в темноту, пока очередная вспышка молнии не осветила всё вокруг. То, что он увидел, заставило кровь застыть в жилах.

Бумажные деньги! Ритуальные деньги для мертвых!

Мокрый листок прилип к лицу юноши, закрыв один глаз. Ощущение было таким, будто чья-то влажная рука коснулась кожи. По спине пробежал холодок. Еще один листок накрыл лицо, а за ним еще и еще — казалось, бумажный поток целенаправленно устремился к Тань Нину.

Охваченный паникой, он попятился. Сердце бешено колотилось, готовое выпрыгнуть из груди. Хотелось бежать без оглядки, но страх выдать себя малейшим шумом сковывал движения.

— Не двигайся! Не оборачивайся! — прозвучал неподалеку властный голос старика.

Тань Нин замер, а затем его захлестнула волна радостного облегчения. Из лесной чащи вышел смотритель кладбища, одетый в дождевик и резиновые сапоги. В руке он держал черный мешок, из которого под порывами ветра вылетали бумажные деньги.

Чувство избавления от смертельной опасности переполняло юношу. Он порывался броситься к смотрителю, но вдруг вспомнил его предостережение.

Не двигаться? Не оборачиваться?

Что же стоит у него за спиной?

Холодный ветер завывал вокруг. В шуме ливня легко было пропустить едва уловимые звуки, например, жуткое ощущение чьего-то дыхания на шее.

Тань Нин застыл, словно громом пораженный. Теперь он заметил, что поток бумажных денег летел не к нему, а к кому-то за его спиной.

Смотритель достал из мешка горсть денег и, медленно приближаясь, бросил их за спину юноши.

— Иди за мной, — тихо произнес он.

Тань Нин поспешил встать рядом со стариком. Ночь была непроглядной, тяжелые тучи заволокли небо, и лишь редкие вспышки молний на мгновение разрывали кромешную тьму. Юноша с трудом различал дорогу, то и дело рискуя поскользнуться, но смотритель шел уверенно, время от времени бросая за спину бумажные деньги.

Шух-шух. Шух-шух. Шух-шух-шух.

Они шли вдвоем, но позади отчетливо слышались шаги третьего.

Тань Нина бил озноб. Особенно холодно было спине и пяткам. Теперь он понимал истинную причину своей дрожи — не только страх и холод, но и присутствие чего-то за спиной.

Проливной дождь безжалостно хлестал по ранам. Хрупкое тело юноши страдало даже от мелких царапин — они жгли, словно в них впивались полчища муравьев. Но боль была не самым страшным. Тань Нин замерзал. Холод сковывал движения, превращая его в неуклюжую марионетку. С каждым шагом силы покидали измученное тело.

Как же хотелось укутаться в теплое пальто или хотя бы накинуть дождевик, раскрыть зонт! Но Тань Нин лишь мысленно одергивал себя: «Терпи. Продержись еще немного».

Появление смотрителя уже было невероятной удачей. Старик занимался чем-то важным, и юноша не смел докучать расспросами. Никто не будет так же снисходителен к нему, как Мо Юньчу.

Мо Юньчу... Почему он снова вспомнил о нем?!

Тань Нин до боли закусил губу, отбрасывая посторонние мысли, и молча последовал за зрителем вглубь кладбища.

Время растянулось в бесконечность, прежде чем они остановились у одного из надгробий. Струи дождя омывали черно-белую фотографию — могила Лу Инсина.

Хоть Тань Нин и предполагал нечто подобное, увиденное всё равно не укладывалось в голове. Древний нефрит защищал его от злых духов, Лу Инсин не мог причинить вред. Преследование лишь истощало силы призрака. То, что он смог так долго следовать за юношей незамеченным, лишь подтверждало его слабость.

Зачем же упорствовать? Неужели даже у мстительных духов нет инстинкта самосохранения?

Зритель вновь зачерпнул горсть бумажных денег и бросил их на могилу. Купюры, кружась, летели к маленькой фотографии. Казалось, Лу Инсин на снимке ожил, пронзая Тань Нина зловещим взглядом сквозь пелену летящих банкнот.

— Деньги получил — пора в путь! — прогремел голос зрителя.

Внезапный порыв замогильного ветра подхватил ритуальные деньги, унося их прочь. Лу Инсин явно не желал уходить.

Тань Нин впервые наблюдал противостояние человека и призрака. Сердце, казалось, подскочило к горлу — чем всё это закончится?

Ни один мускул не дрогнул на лице зрителя. Он достал из кармана черную нить и холодно процедил:

— Не хочешь по-хорошему — будет по-плохому!

Нить, словно живая, метнулась из рук старика за спину Тань Нина. Юноша застыл, боясь пошевелиться. Черная линия вибрировала в воздухе. Зритель, прищурившись, обмотал конец нити вокруг указательного и среднего пальцев. Жилистая рука с силой натянула леску, будто вытаскивая что-то из пустоты.

Тань Нин почувствовал, как ледящее дыхание смерти проникает в его тело. На мгновение в сознании прозвучал душераздирающий вопль, полный невыразимых страданий. Сквозь эту какофонию боли пробился голос Лу Инсина: «Беги!!!»

Зритель резко дернул нить на себя. Голос в голове Тань Нина оборвался, словно его и не было. Юноша поморщился от боли, массируя пульсирующие виски.

Неужели это действительно был Лу Инсин? Или разыгралось воображение?

Голова раскалывалась. Тань Нин вновь посмотрел на фотографию на надгробии. Теперь глаза Лу Инсина не следили за ним — как и положено обычному снимку, взгляд был устремлен в никуда.

Казалось, жуткое происшествие с призраком Лу Инсина наконец завершилось.

Тань Нин рассеянно смотрел на могильную плиту, но ожидаемого облегчения не чувствовал. Что означало это «Беги!»? Может, Мо Юньчу уже близко?

— Идем, — бесстрастно бросил смотритель.

Тань Нин очнулся и поспешил следом. Они двигались не к домику смотрителя, а еще глубже на кладбище.

Надгробия безмолвными часовыми высились во мраке. Холодные и мрачные, они словно наблюдали за пришельцами множеством невидимых глаз. Тань Нин невольно обхватил себя руками и тихо спросил:

— Куда мы идем?

Смотритель промолчал, продолжая шагать вперед.

Тань Нин не решился больше спрашивать. Он взглянул на телефон — оставалось всего пять минут до истечения срока, назначенного Мо Юньчу.

Впрочем, он уже рассказал обо всем старику Хао. Тот заверил, что смотритель поможет, и велел во всем слушаться старика.

Тань Нин вновь посмотрел на своего молчаливого проводника. Тот как раз остановился у очередной могилы. Эта была безымянной — на надгробии не было ни надписи, ни фотографии.

Смотритель снял рюкзак и достал лопату. Под недоумевающим взглядом Тань Нина он начал копать. Размокшая от дождя земля легко поддавалась — лопата входила в грунт, словно в масло.

Тошнотворный запах поднялся из ямы. Мутные потоки дождевой воды, смешанные с землей, походили на бурую кровь.

Смотритель работал быстро. Вскоре лопата наткнулась на что-то твердое. Старик расчистил находку от грязи, и струи дождя омыли черную поверхность.

Это был гроб.

Тань Нин растерянно переминался с ноги на ногу.

— Я могу чем то помочь? — робко спросил он.

Смотритель поднял голову. Его взгляд, устремленный на юношу, был непроницаем и странен.

— Можешь, — хрипло ответил старик.

— Что нужно сделать? — с готовностью откликнулся Тань Нин.

Смотритель отложил лопату и указал на гроб. Его голос прозвучал холоднее льда:

— Ложись туда.

Тань Нин замер, словно громом пораженный. Его бледное, мокрое от дождя лицо выражало полное замешательство. Казалось, юноша никак не мог осознать реальность происходящего.

— Что? — выдавил он наконец.

Смотритель откинул крышку гроба. Внутри было пусто, но стенки покрывали странные символы и рисунки. Они напоминали желтые талисманы, которые Тань Нин видел на дверях дома Лао Лю. От этих знаков веяло жутью и гнетущей тяжестью. Даже не понимая их значения, юноша инстинктивно чувствовал — лечь в пустой гроб посреди ночи на кладбище не сулит ничего хорошего.

— Я сказал — ложись! — рявкнул смотритель.

Молния рассекла черное небо, на миг осветив суровое лицо старика. Его выцветшие глаза с непоколебимой решимостью буравили Тань Нина. Ливень хлестал по сгорбленной фигуре, но смотритель стоял прямо и твердо, словно скала под натиском волн. Тань Нин в ужасе смотрел на него, не понимая, как защитник вдруг превратился в угрозу.

Юноша невольно отступил на шаг. Внезапная перемена в поведении смотрителя застала его врасплох. Он напоминал зверька, выскочившего из тигриной пасти прямо в волчью яму. Каждый мускул был напряжен, готовый к бегству, хотя измученное тело едва держалось на

ногах.

Смотритель возвышался над могилой, как неумолимый страж.

— Что выберешь — пойти добром или силой? — холодно спросил он.

Эхо недавних слов отозвалось в памяти Тань Нина. Он вспомнил, как смотритель расправился с духом Лу Инсина, и тот отчаянный крик «Беги!», врезавшийся в сознание.

Что, если Лу Инсин пытался предупредить его об опасности, исходящей от самого смотрителя?

Глаза Тань Нина расширились от внезапного озарения.

Как же он мог быть таким слепцом?

Спасаясь от призраков, он забыл, что живые порой страшнее мертвецов.

Но теперь было слишком поздно. Времени на сожаления о собственной глупости не оставалось. Лихорадочно соображая, что предпринять, Тань Нин незаметно потянулся к карману, пытаясь нащупать телефон и набрать номер Лао Хао.

— Я не совсем понимаю, — дрожащим голосом произнес он. — Зачем мне туда ложиться?

Дождевые капли стекали по бледному лицу, путаясь в ресницах. От холода зуб на зуб не попадал.

— Должна же быть причина, — продолжал юноша. — Даже перед тостом произносят речь. Разве не так?

Кладбище отвечало лишь шумом нескончаемого ливня.

Наконец хриплый голос зрителя нарушил тишину:

— Только так он придет, даже зная, что это ловушка.

Рука Тань Нина, нащупавшая телефон, замерла.

— Он — это кто? — с трудом выдавил юноша, хотя уже догадывался об ответе.

— Мо Юньчу.

<http://bllate.org/book/14673/1303912>